

Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае: [Пекин.] (Письма миссионера): [В. В. Горского к родителям и А. В. Горскому]: письма XXXVI, 13 октября/22 ноября 1841 г.] // Богословский вестник 1898. Т. 4. № 11. С. 212–226 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Страница изъ исторіи православной русскої миссіи въ Китаѣ.

(Письма миссіонера).

XXXVI.

Къ родителямъ и брату.

Пекинъ. Русское подворье.

13-е октября 1841 г.

Въ одну почту вдругъ я получилъ отъ васъ два письма. Два письма! Это необыкновенно счастіе въ Пекинѣ...

Вамъ хочется знать о томъ, какъ я поживаю въ подпечесной Имперіи. Съ удовольствіемъ снѣшу выполнить ваше желаніе. И тѣмъ пріятнѣе для меня удовлетворить вашему сердечному любопытству, что на этотъ разъ я могу сообщить вамъ извѣстія отрадныя для васъ, которыя должны отогнать отъ васъ много мрачныхъ думъ и предохранить отъ грустныхъ предположеній, которыя только растрavляютъ сердце. Не подумайте, что я хочу писать панегирикъ Пекинской жизни! Для меня вѣтъ пужды представлять черное бѣлымъ и безусловно хвалить то, что много имѣетъ въ себѣ весьма тяжкаго для насъ.

Въ нашемъ положеніи много слишкомъ горькаго для юнаго сердца, еще не окрѣпшаго въ буряхъ жизни, еще не разочаровавшагося въ своихъ желаніяхъ, стремленіяхъ, надеждахъ и мечтахъ. Но при всемъ томъ у насъ еще не отняты средства мужественно вести тяжкую борьбу, въ которую мы вовлечены своимъ удаленіемъ отъ милой родины и всего, что такъ дорого для юности, и охранять себя отъ тысячи бѣдствій, которыя, при малѣйшемъ уныніи духа, могли бы подавить насъ. Самыя неизбѣжныя лишенія мы стараемся восполнить своею полнотою и среди

чужаго міра создать и развить родной—Русскій міръ, гдѣ въ минуты грусти и скорби отдыхала бы и оживала душа, какъ въ своей сферѣ, гдѣ исчезла бы горькая мысль о чужбинѣ и одиночествѣ. Несчастнѣйшій опытъ прежнихъ миссій и собственныя размышленія научили насъ, что мы, въ такомъ ужасномъ краю, каковъ Китай, брошенные безъ любви и дружбы, должны искать своего спокойствія, утѣшенія и счастья, только въ своемъ кругу, среди самихъ себя, въ нашемъ общемъ мирѣ и согласіи, что глава нашего маленькаго общества всегда имѣетъ много средствъ и случаевъ—благотворно или ужасно дѣйствовать на нашъ міръ и что потому нужно уничтожить тѣ холодныя отношенія, которыя обыкновенно устанавливаетъ сила съ слабостію, и замѣнить ихъ болѣе прочными и благородными связями дѣтей съ отцемъ, братья съ братьями. Вотъ главныя и самыя важныя правила, которыя всѣми нами приняты въ основаніе общей нашей дѣятельности и взаимныхъ отношеній. Къ большому нашему счастью, добрый и благородный О. П., самъ своимъ примѣромъ помогаетъ намъ быть вѣрными своимъ желаніемъ и общему благу. И никогда наше общество такъ сильно не было проникнуто такими чувствами и идеями, такъ братски соединено между собою, какъ въ послѣдніе четыре мѣсяца, когда мы остались совершенно одинокими въ мірѣ. До сихъ поръ, начиная съ самаго Петербурга, окруженные посторонними лицами, которыя болѣе или менѣе развлекали наше вниманіе, или непрестанно смѣняя мѣста свои, мы были разрознены и болѣе жили отдѣльною жизнію. Но теперь, когда все вышнее отхлынуло отъ насъ, какъ волна, когда впереди у насъ только мракъ и неизвѣстность, а назадъ только воспоминанія, превратившіяся въ одни туманные образы. хотя и милые для насъ, но уже не уловимые, только теперь начала организоваться новая жизнь, которая, благодареніе Господу!—возрастаетъ съ каждымъ днемъ и болѣе и болѣе укрѣпляетъ насъ на подлежащемъ намъ ужасномъ поприщѣ. Дай Богъ, чтобы благое начало увѣнчалось и добрымъ концемъ! Теперь вы можете понять, что, при такомъ образѣ мыслей и дѣйствій нашихъ, мы сохраняемъ въ себѣ, какъ священный огонь, Русскую жизнь, Русское сердце: но не смотря на то, мы, какъ амфибіи, принуж-

дены жить въ двухъ различныхъ мірахъ, должны образовать изъ себя какую-то странную смѣсь Европейскаго съ Азіатскимъ, Китайскаго съ Русскимъ, и къ прежнимъ нашимъ привычкамъ должны присоединять новые обычаи и церемоніи. Въ самомъ дѣлѣ, Русское подворье, среди этого необозримаго океана Китайской жизни, представляетъ удивительную картину, гдѣ свѣтъ и тѣни, краски и фигуры, представляютъ чудное разнообразіе, и съ перваго же взгляда поражаютъ васъ странною группировкою предметовъ и рѣзкою противоположностію очерковъ. Едва вы вступите въ ворота нашего *гуаня* (такъ называется всякое казенное мѣсто и подворье), какъ первый, попавшійся вамъ на глаза, предметъ — языческа куирня и расположеніе дворовъ — постройки различныхъ стѣнъ, чергородокъ и воротъ, которыя дѣлаютъ вашъ дворъ лабиринтомъ, созданнымъ Китайскою подозрительностію и недоувѣрчивостію, и самая форма зданій — съ кирпичными стѣнами, бумажнымъ потолкомъ, черепичными кровлями и драконами вмѣсто конька, тотчасъ вамъ уже показываютъ, что вы находитесь въ чужой, незнакомой для васъ области; но всмотритесь пристальнѣе, и вы увидите Русскія окна со стеклами вмѣсто бумаги, и сквозь нихъ предъ вами выдѣлается движущаяся фигура съ Европейскимъ обликомъ, но въ длинномъ шелковомъ кафтанѣ, съ бритымъ лбомъ и затылкомъ, съ длинною косою, опускающеюся почти до пятъ, съ Китайскою книгою въ рукахъ, медленно — важно расхаживающую по комнатѣ; взгляните на мебель, украшающую смиренную келью этого отшельника, и здѣсь вы найдете тотъ же контрастъ. Но проходите далѣе: тамъ, среди монастыря, возвышается четырехугольное зданіе съ небольшою главою на самой срединѣ, съ малыми окнами подъ самую кровлю, осѣненное тѣнію деревъ, увѣнчанное и покрытое зеленымъ плющемъ, заткавшимъ собою все его стѣны, — это Русская церковь, освященная во имя Срѣтенія; на ней горитъ позолоченный гербъ пашъ — двухглавый орелъ съ короною. Но этотъ храмъ построенъ на счетъ Китайскихъ чиновниковъ, которые не изъ уваженія и любви къ христіанству, но изъ угожденія волѣ своего Императора, трудились надъ созданиемъ его. Далѣе вы видите колокольню, но она построена въ видѣ китайской бесѣдки, съ тремя кровлями, воз-

вѣшающимися одна надъ другою, съ загнутыми углами и крестомъ на вершинѣ. Вотъ раздались на колокольнѣ звуки, которые призываютъ васъ въ домъ Божій на молитву; но въ то же время до вашего слуха долетаетъ шесть или девять протяжныхъ ударовъ въ колоколь, — это нашъ казенный сторожъ, — жрецъ нашего подворья приносить жертву въ кумирнѣ духамъ о нашемъ благосостояніи и своими ударами возвѣщаетъ глухимъ своимъ богамъ о своей молитвѣ, которую онъ возсылаетъ по повелѣнію сына неба, милостиво заботящагося о счастіи даже иностранныхъ варваровъ. Войдите во внутренность самаго храма, тамъ представится вашимъ глазамъ богатый иконостасъ, весь обложенный краснымъ деревомъ, украшенный иконами, которыя написаны кистью лучшихъ нашихъ художниковъ, но потолокъ, стѣны алтаря испещрены мазикою Китайскаго живописца. Сейчасъ вы слышали родные звуки церковныхъ пѣсней, которые съ младенчества вашего питали вашу душу, которые и нынѣ, какъ благодатный елей, льются на раны скорбящаго сердца вашего и своєю Божественною силою врачуютъ недуги души, которые въ одинъ мигъ переносятъ васъ въ утраченныя времена невинности и дѣтства, когда вы еще съ младенческою вѣрою внимали святымъ истинамъ; но среди этого, роднаго, Божественнаго міра вдругъ слышите совершенно чужіе, странные для васъ голоса, которые на не понятномъ для васъ языкѣ поютъ *Цзай-тлянъ*—небесную пѣснь: Отче нашъ, вѣзавшуюся въ вашу память и сердце еще въ первые дни вашего бытія. Смотрите же, какъ могущественно врывается въ нашу жизнь, въ нашу душу, чужая враждебная стихія, какъ неизбежно обхватываетъ насъ своимъ сильнымъ вліяніемъ, какъ она проникаетъ за нами даже въ завѣтныя свята для насъ мѣста, гдѣ душа должна быть отторгнута отъ всего земнаго!

Нарисуйте въ своемъ воображеніи здѣшнихъ жителей со всѣми ихъ характеристическими признаками: съ ихъ гордымъ невѣжествомъ, которое не видитъ ничего далѣе своего носа, которое думаетъ, что люди рождаются только въ поднебесной имперіи, что образованіе заключено въ одномъ срединномъ государствѣ, которое глядитъ на васъ, какъ на заморскаго любопытнаго звѣря, страннаго по своимъ

пріемамъ, замѣчательнаго только по своему контрасту; съ ихъ ужаснымъ эгоизмомъ и корыстолюбіемъ, по которымъ они смотрятъ на людей, какъ на вещь, цѣнятъ ихъ по внѣшней тяжести, судятъ о головѣ по кафтану, о сердцѣ— по кошельку; ищутъ выгоды и доходовъ въ вашемъ знакомствѣ;— съ ихъ скрытною и тысячею церемоній, ложною или истинною апатіей, такъ что вы ни изъ разговоровъ, ни по лицу не узнаете ни одной искренней мысли, ни какого чувства,—и — изъ этого слабаго ничтожнаго очерка вы можете составить хоть какое нибудь понятіе о томъ продажномъ и безсовѣстномъ обществѣ, въ которое брошены мы судьбою. Согласитесь сами, что, при обращеніи съ такими людьми, мы должны откинуть и забыть все, что составляетъ прелесть добраго Русскаго обращенія, отвыкнуть отъ искренности и радушія и заводить знакомство только по нуждамъ и своимъ видамъ; что наша дружба съ Китайцами есть просто торговля, гдѣ мы какими бы то ни было средствами покупаемъ у нихъ, что намъ нужно, или иначе мы должны запереться въ своихъ четырехъ стѣнахъ; что мы для собственной же пользы стараемся изучать здѣшнія безчисленные приличія, подражать Китайцамъ въ ихъ обхожденіи,—однимъ словомъ, принять на себя внѣшнюю ихъ фізіономію, и потому вы справедливы въ своихъ словахъ, что мы начинаемъ обкитаиваться. Все, что прежде казалось для насъ смѣшнымъ, ничтожнымъ въ ихъ пріемѣ и обращеніи,—все это отъ привычки стало для насъ самымъ естественнымъ, такъ что мои руки сами собою описываютъ полукругъ при встрѣчѣ съ кѣмъ нибудь и ноги сами идутъ провожать гостя чрезъ всѣ ворота и дворы до самой повозки, а на извѣстныхъ мѣстахъ мое тѣло не смѣетъ подвинуться впередъ ни на одинъ шагъ, не вытянувшись напередъ въ почтительномъ положеніи, не отвѣсивши нѣсколькихъ самыхъ глубокихъ поклоновъ, съ придачею неизмѣнныхъ вѣжливыхъ пошлостей: „не двигайтесь“, „не трогайтесь“, „воротитесь домой“. Мой ротъ не дерзнетъ проглотить ни одной капли чаю, если я, вставши съ своего мѣста и приподнявши чашки къ самому лицу, не раскланяюсь со всѣми присутствующими почтенными особами и не приглашу ихъ вмѣстѣ съ собою наслаждаться здѣшнимъ нектаромъ. При встрѣчѣ съ кѣмъ нибудь у меня

невольно срывается съ языка самый вѣжливый вопросъ, которымъ начинаются пріятельскія бесѣды: чи-ляо-фань-ляо мэ ю? Кушали ли вы кашу? т. е. по просту, по Русски—обѣдали ли вы?—Входя въ комнату, я, въ одно мгновеніе, своимъ глазомѣромъ опредѣляю, которое мѣсто должно быть почегное, какъ далеко оно отъ дверей, и не прежде займу его, какъ хозяинъ истощитъ весь запасъ своихъ вѣжливо-стей, а я—отрицаній. Если вы говорите; то мой языкъ къ каждому вашему слову непремѣнно хочетъ прибавить: *ши, ши, чжэ, чжэ* — да, да; точно такъ“. Я покраснѣлъ бы отъ стыда, еслибы позабылъ почтительно обѣими руками приподнести вамъ табакерку съ самою мельчайшею табачною пылью, которая въ полномъ смыслѣ проникаетъ до мозговъ. Если бы нужно было мнѣ сдѣлать вполнѣ парадный визитъ, то я поѣхалъ бы не иначе, какъ во всемъ торжественномъ одѣяніи,—*съ большимъ сидломъ*; мой кучеръ не смѣлъ бы сѣсть на свое мѣсто, но долженъ былъ бы бѣжать пѣшкомъ подлѣ повозки, съ тоненькимъ хлыстикомъ въ рукѣ, поднятымъ вверхъ; моя фигура съ поджатыми ногами скрывалась бы отъ взора любопытныхъ за флеровымъ занавѣсомъ; слуга долженъ сидѣть на передкѣ и раскуривать для меня трубку, и по крайней мѣрѣ одинъ долженъ быть вершникъ—открывать мое шествіе. Пріѣхавши въ извѣстный домъ, я не прежде выйду изъ повозки, какъ когда хозяинъ уже одѣнется въ надлежащее платье и готовится приличнымъ образомъ встрѣтить меня. Даже *суй-бянь*, т. е. запросто, никогда не поѣду одинъ верхомъ. Присоедините къ этимъ и къ тысячѣ подобныхъ мелочей, постепенно, незамѣтно вливающихъ въ составъ внѣшней нашей дѣятельности, то неборимое вліяніе, которое оказываетъ на насъ здѣшняя природа, часто совершенно противоположная нашему организму.

Прошелъ годъ Пекинскій нашей жизни, но и въ этотъ небольшой періодъ времени мы уже не мало измѣнились въ своей физической жизни. Самымъ первымъ ощутительнымъ для насъ вліяніемъ климата была сыпь, которою, предъ наступленіемъ жаровъ, мы почти все новопріѣзжіе страдали въ продолженіи почти цѣлаго мѣсяца. Во время сильныхъ жаровъ — въ концѣ іюня и въ іюль,—каждый изъ насъ на себѣ испыталъ то ужасное расслабленіе, то

непонятное отвращеніе отъ всякой дѣятельности, которое такъ часто у насъ считается за характеристическій признакъ жителей востока. Въ какомъ-то странномъ онѣмѣніи чувствъ и мысли, я не подвижно сиживалъ на одномъ мѣстѣ, безъ всякой свѣтлой идеи въ головѣ, безъ особеннаго ощущенія въ сердцѣ! Въ эти странныя минуты вы дорожите своимъ кэйфомъ и ваша душа сама избѣгаетъ всего, что бы могло нарушить вашу ужасную праздность и лѣнь. Первые жары, когда еще въ нашемъ тѣлѣ не возбуждятся испарина, бываютъ ужасны, голова горитъ, какъ въ огнѣ, грудь вздымается отъ духоты воздуха; при малѣйшемъ движеніи, васъ обливаетъ зноемъ. Потомъ когда уже растворились пары, ужасная испарина въ одну минуту дѣлаетъ мокрымъ ваше платье, которое въ это время, надобно сказать правду, бываетъ весьма легко и состоитъ изъ одной длинной рубашки, сшитой изъ самаго легкаго и тонкаго полотна. Но наконецъ вы привыкаете къ самой высшей температурѣ жара, если только продолжается испарина; но за то всякое пониженіе термометра дѣлается чувствительнымъ. Представьте себѣ, что я теперь при восьми градусахъ тепла забну въ своемъ толстомъ ватномъ кафтанѣ, что мое лице едва терпитъ холодную воду при умываніи и, можетъ быть, скоро я буду принужденъ употреблять одну теплую, по примѣру Китайцевъ, которые пьютъ даже вино подогрѣтое. Удивительно, какъ нашъ желѣзный сѣверный организмъ такъ скоро и сильно подчиняется расслабляющей южной природѣ. Прошедшаго году, въ тоже самое время мы, спустившись въ Китай съ возвышенныхъ равнинъ Монголіи, удивлялись необыкновенной теплотѣ атмосферы. Во всю дорогу отъ Кяхты до Калчана, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, —августа и сентября, я въ простой куртѣ спалъ на одномъ войлоку, брошенномъ на сырую землю. прикрытый только легкимъ ватнымъ одѣяломъ и не чувствовалъ холода.

Вотъ вамъ другой еще фактъ нашего преобразованія. Въ половинѣ лѣта, при сильныхъ жарахъ, здѣсь начинаются прѣливные дожди, продолжающіеся до полумѣсяца и болѣе. Въ это время въ воздухѣ распространяется необыкновенная сырость; все покрыто плѣсенью: склеенныя вещи расклеиваются; дерево разбухаетъ; наравнѣ съ бездушными

предметами и бѣдныя ноги наши подверглись химическому процессу гніенія и мы получили продолжительныя насморки, которые возобновляются при всякой сырости воздуха. — Мудрено ли же, что при такомъ безграничномъ вліяніи новой ж зпц и поваго міра на жизнь духа и тѣла, и въ нашемъ характерѣ должны были произойти различныя перемѣны, вылившіяся изъ нашихъ обстоятельствъ и той массы впечатлѣній, которая непрестанно дѣйствуетъ на насъ? Какъ ни трудно замѣчать за внутреннею своею жизнію, какъ ни медленно душа, уже напередъ составившая планъ и цѣль для своихъ дѣйствій, поставившая навсегда извѣстныя идеи за неизмѣнный для себя законъ, подчиняется вліянію внѣшнихъ причинъ и дѣйствующихъ силъ; но при всемъ томъ, я не могу сказать, что взглядъ мой на жизнь, что мои желанія и чувства, мои стремленія и надежды остались въ своей первобытной формѣ. Странно было бы этотъ внутренній переворотъ приписывать вліянію одной Пекинской жизни, тѣмъ болѣе, что настоящий періодъ моей жизни, въ которомъ непремѣнно должны проявиться всѣ элементы человѣческой дѣятельности, самъ по себѣ уже предполагаетъ различныя новыя явленія въ моемъ бытіи. Но не смотря на то, нельзя отрицать, что глубокое одиночество, удаленіе отъ всего развлекающаго наше вниманіе, отъ наблюденія за тѣмъ, что кипитъ внутри насъ самихъ, грустное лишеніе всего, что составляетъ цѣну земной жизни, играли важную роль въ созданіи и развитіи новыхъ взглядовъ, новыхъ желаній и цѣлей. Да! мнѣ кажется, что въ моей душѣ многое уже не такъ, какъ оно было въ то время, когда я прощался съ вами на десять лѣтъ. Я безъ жалости отказался отъ многого, что прежде составляло предметъ моихъ размышленій, желаній, мечтанія во снѣ и на яву, и безъ радости встрѣчаю въ душѣ своей, что, при условіяхъ другой жизни, могло бы имѣть существенное вліяніе на всего меня. Разрушивши старыя мечты свои, наполнявшія прежде сердце, не довѣряясь новымъ, заглушая ихъ въ себѣ для своего же собственнаго блага, душа невольно остается въ безпредѣльной пустотѣ, которая, какъ удавъ, обхватываетъ ее со всѣхъ сторонъ, — она погружается въ ужасное одиночество, которое не наполнится никакими созданіями воображенія. Здѣсь скрывается причина

той безотчетной грусти, которая иногда овладѣваетъ сердцемъ, стремящимся прорваться сквозь эту туманную непроницаемую даль, гдѣ должно быть удовлетвореніе его желаній; — это странная жажда души, но души еще не сознавшей самой себя, не испытавшей своихъ силъ, — или, можетъ быть, тоска души, темно сознающей свою слабость и безсиліе, души робкой, которая не смѣетъ бодро идти въ слѣдъ темныхъ предчувствій, еще не постигнутыхъ желаній. Здѣсь также причина тому явленію, что мало по малу исчезаетъ дѣтская беззаботность, пустая мечтательность, игривость духа, что въ душѣ рождается недовольство собою, что она мучится своимъ безсиліемъ, негодуетъ на свою недѣятельность и праздность. Не подумайте, что всѣ эти слова мои направлены къ обвиненію здѣшней жизни, что это чувство раскаянія въ необдуманномъ рискѣ, за который дорого платится моя неопытность. Напротивъ, развитіе въ душѣ этого важнаго, хотя и горькаго чувства, я поставлю для себя однимъ изъ самихъ благодѣтельныхъ послѣдствій настоящаго моего положенія; и, можетъ быть, нигдѣ и никогда оно такъ сильно не трогало моего сердца, не будило спящей души моей, какъ здѣсь, гдѣ удаленный отъ всѣхъ вѣдшихъ потрясающихъ впечатлѣній, я съ большею свободою могу предаться ему. Къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что до сихъ поръ еще во мнѣ слишкомъ много дѣтскаго, слабаго, что характеръ мой еще мало получилъ надлежащей опредѣленности и прочности, что внутренняя моя жизнь такъ бѣдна дѣятельностію, что я не образовалъ, не развилъ себя. Добрыя сѣмена, какія только есть въ душѣ моей, они даръ Божій; но до сихъ поръ я самъ не принималъ живаго участія въ самомъ себѣ. Неужели же я долженъ былъ оставаться навсегда ребенкомъ? Нѣтъ! Только посредствомъ этой тяжкой борьбы съ самимъ собою, съ своими чувствами и желаніями и должно что нибудь создаться! Рано или поздно, здѣсь или въ Россіи, — только непременно должно было настать для меня это время внутренняго бореія; чѣмъ сильнѣе оно будетъ дѣйствовать на меня, тѣмъ благодѣтельнѣе должны быть плоды его. Не буду спорить съ вами, что здѣсь эта борьба можетъ быть тягостнѣе для сердца, но при всемъ томъ я долженъ сказать, что, при собственныхъ силахъ моей души, при по-

собѣн тѣхъ святыхъ истинъ, которыя еще съ дѣтства глубоко заронились въ память мою, я имѣю одно изъ самыхъ дорогихъ и дѣйствительныхъ вспомогательныхъ средствъ, — это взаимную дружбу и любовь, которыми скрѣпляется наше маленькое братство. Чѣмъ тяжелѣе наше положеніе, чѣмъ болѣе каждый чувствуетъ слабость своихъ силъ: тѣмъ крѣпче и неразрывнѣе стягиваются эти святые и пріятныя для него узы. Здѣшняя жизнь — добрая школа. Только въ нашемъ положеніи можно дать надлежащую цѣну многимъ вещамъ, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, остаются въ забвеніи, понимать дружбу въ полномъ и святомъ значеніи ея и приобрѣсть добрый запасъ практической мудрости. Итакъ, вы видите, что Пекинъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ на насъ отрицательно; не приражаясь къ намъ своимъ зломъ, онъ только побуждаетъ насъ идти стезею правды и благородства, — этою законною дорогою для всякаго Русскаго.... Помолитесь же за всѣхъ насъ Господу Богу, чтобы Онъ сохранилъ насъ въ союзѣ любви, подкрѣпилъ въ добромъ дѣланіи, безбѣдно провелъ насъ до конца поприща нашего, возвратилъ въ святую русскую землю и здѣсь далъ намъ забвеніе миновавшихъ скорбей и лишеній. Будемъ молиться, вы тамъ, мы здѣсь!

Теперь позвольте мнѣ познакомить васъ съ моею домашнею жизнію, которая, надобно вамъ сказать, весьма тиха, покойна и регулярна, какъ и у всѣхъ насъ. Съ первымъ крикомъ галокъ, которыя изъ сосѣдственныхъ Императорскихъ садовъ подымаются ужасными стаями и по какой-то прихоти всегда пролетаютъ черезъ наше подворье, или по крайней мѣрѣ при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ, сопровождающихъ ученіе здѣшней гвардіи, т. е., говоря безъ обиняковъ, часу въ 6-мъ я продираю свои глаза и прощаюсь съ своею теплою рогожкой. Начинаю день обыкновеннымъ чередомъ, какъ всѣ православные, и за чашкою чаю, съ самою скверною водою, въ которой порядочный запасъ селитры и натру, припоминаю, что грезилось во снѣ, думаю, какъ провести наступающій день, читаю какуюнибудь книгу, заплетаю косу, отдаю приказы слугѣ, или просто дѣлаю кѣйфъ. Послѣ такихъ многотрудныхъ занятій отправляюсь въ садъ, или гуляю по всему подворью... Часу въ 8-мъ является у меня *Сянь-шенъ*—прежде родив-

шійся, т. е. учитель и здѣсь - то начинается Египетская работа. Наши головы и Китайскія устроены совершенно инымъ образомъ: что для насъ просто, то для нихъ мудрено, и что для нихъ понятно, то для насъ темно; часто за какимъ-нибудь выраженіемъ улетаютъ цѣлыя часы, между тѣмъ какъ дѣло самое нестоитъ и гроша. Впрочемъ, начинаю маленько углубляться въ ихъ тарабарщину. Въ этой головоломной вознѣ проходитъ все время до 11 или 12 часовъ, т. е. до самаго обѣда, когда мы собираемся въ столовой и всею братією раздѣляемъ общую нашу трапезу. Если бы вы откушали нашего хлѣба соли, то вѣрно нашли бы въ немъ пропасть важныхъ погрѣшностей противъ требованій образованнаго и деликатнаго вкуса. Вы тотчасъ догадались бы, что отъ нашихъ щей пахнетъ сырою капустою и уксусомъ, что куриный супъ сваренъ съ свинымъ саломъ, что каштаны въ соусѣ перемѣшаны съ чеснокомъ, и проч. Но позвольте вамъ сказать: 1) нашъ поваръ Китаецъ и, по похвальной привычкѣ всѣхъ своихъ земляковъ, уродуетъ все чужестранное по чувству истиннаго патріотизма; 2) по его словамъ: „по всѣмъ приличіямъ и законамъ Серединой Имперіи, свиное сало есть славная вещь“; 3) мы всѣ съ претензіями на аппетитъ, а не на вкусъ. Довольно и того, что мы защищаемъ русскій желудокъ отъ собакъ и лягушекъ и, какъ варвары, не находимъ вкуса даже въ морскихъ червяхъ. Но не ручаюсь, что во время одной поѣздки я не наѣлся мулинаго мяса; впрочемъ это здѣсь не ставится въ порокъ! Говоря вообще, нашъ столъ богатъ и для Россіи и для Китая, хотя не всегда въ ладу со вкусомъ. Впрочемъ, довольно объ этихъ пустякахъ. Послѣ обѣда мы цѣлою толпою отправляемся въ нашу бібліотеку, которая въ послѣднее время устроена хорошо. Здѣсь, развалившись на кану, читаемъ, что кому вздумается, или просто что нибудь болтаемъ; потомъ снова каждый въ своей келѣ принимается за свои дѣла до вчерняго чаю, гдѣ даешь полный разгулъ своей душѣ и воспоминаніямъ. Послѣ прогулки, необходимой для моціона, снова книги коротаютъ время до самаго ужина, который бываетъ часу въ 8-мъ, и потомъ дружеская бесѣда и книга на сонъ грядущій оканчиваютъ наши дневные хлопоты и труды.—Такъ постоянно текутъ

наши дни, незамѣтною чередою, не обозначаясь никакими рѣдкими событіями, не оставляя въ душѣ воспоминаній о себѣ; но за то и не возмущая внутренней тишины и не развлекая нашего вниманія. Каждый праздникъ мы всё собираемся въ храмъ Божій, и здѣсь много напоминая на первобытныя времена христіанъ, когда они, среди разрушавшагося языческаго міра, невидимые никѣмъ и странные для всѣхъ, смиренно молились Богу жизни объ обловленіи ихъ и всего человѣчества небесною благодатию. Часто среди вечерняго мрака церковь освѣщена слабымъ огнемъ; нѣсколько молящихся стоятъ въ благоговѣйномъ молчаніи, съ молитвою въ устахъ и на сердцѣ, сокрытые въ полусвѣтѣ и тѣмѣ; однѣ длинныя тѣни падаютъ черными полосами на стѣны храма; только Божіи иконы ярко сіяютъ своимъ свѣтомъ; и въ эти минуты сердечнаго умиленія то слышится голосъ, повторяющій скорбныя псалмы Давида, то хоровая общая наша пѣснь торжественно оглашаетъ храмъ! Праздничные дни для насъ всегда бываютъ днями сердечныхъ воспоминаній. Цѣльнымъ подворьемъ, собравшись гдѣ-нибудь въ общій кружокъ, мы въ разговорахъ своихъ переносимся въ отдаленный для насъ, но близкій къ сердцу край и сладко льется рѣчь, оживленная памятью о быломъ, и часы невидимо несутся для насъ въ этомъ сладостномъ самозабвеніи. Теперь всё мы хорошо знаемъ исторію другъ друга, даже самыя проказы дѣтства. Часто повторяемъ одно и то же, но и это старое всегда кажется новымъ. Самыя мельчайшія частности имѣютъ общій интересъ. Не удивительно ли такое сочетаніе людей, случайно собранныхъ судьбою съ различныхъ концовъ Россіи, людей съ разными привычками, характерами, направленіями, и между тѣмъ въ этомъ горнилѣ такъ сплавившихся между собою, какъ будто они всё принадлежали къ одной массѣ?... Теперь отъ общаго я снова перейду къ частному и попрошу васъ обратить вниманіе ваше на мое житье.

Я живу въ такъ называемомъ *Да минь*, или въ томъ домѣ, который построены на счетъ Китайскаго Императора, на случай пріѣзда Русскаго посольства. Мое главное помѣщеніе состоитъ изъ одной весьма длинной залы, которая освѣщается огромнымъ Итальянскимъ окномъ съ юга, и большимъ простымъ съ сѣвера. Великолѣпный шелковый

синой занавѣсъ, подбитый зеленою *линузою* (вродѣ нашей тафты) съ чернымъ атласнымъ подзоромъ, утвержденный по краямъ на ширмахъ и растягивающійся на двѣ огромныя половины, дѣлитъ эту залу на двѣ комнаты: одна изъ нихъ большая и служитъ у меня вмѣсто гостиной, другая нѣсколько поменѣе и отвѣчаетъ мнѣ за спальню и кабинетъ. Здѣсь, т. е. въ послѣдней, первое мѣсто занимаетъ смиренная кровать; у окна складной письменный столъ съ ящиками для бумагъ, покрытый зеленымъ сукномъ; у противоположной стѣны—порядочный налой и большой шкафъ изъ южнаго кедра съ книгами; а въ другомъ уголку прижался комодъ; еще одно Китайское кресло и табуретъ, — вотъ вамъ и вся моя студенческая мебель. Но въ моей гостиной пороскошнѣе: большой коверъ, не знаю, Европейскій или бухарскій, застилаетъ цѣлую половину комнаты; полдюжины новыхъ русскихъ креселъ, сдѣланныхъ подъ красное дерево, обитыхъ голубымъ атласомъ; до пяти столовъ и столиковъ, — одинъ изъ нихъ изъ розоваго дерева и стоитъ на наши деньги до двухъ фунтовъ серебра, — сдѣланъ весьма красиво; на стѣнахъ виситъ большое зеркало, и пять видовъ Петербургскихъ. Полъ въ комнатахъ, какъ и вездѣ, изъ кирпичныхъ плитъ, но покрытъ составомъ особеннаго рода и окрашенъ, такъ что образуетъ собою одну цѣльную массу. Комнаты нагрѣваются *ди каномъ*, т. е. подпольною печью, которая топится съ улицы, и каменнымъ углемъ. Окно въ моей гостиной — на главный дворъ, который съ восточной и западной стороны обставленъ двумя огромными флигелями, построенными совершенно по Китайски. Весь восточный флигель занимаетъ одна Европейская библіотека (кетати здѣсь замѣтить, что у насъ три библіотеки, изъ которыхъ каждая занимаетъ особенное зданіе а) Китайская, б) Русская, состоящая изъ нашихъ отечественныхъ и Европейскихъ книгъ, заведенная и умножаемая на счетъ Министерства. в) доставшаяся намъ отъ Португальцевъ). Шесть весьма высокихъ и необыкновенно роскошныхъ акацій особеннаго роду, неизвѣстнаго у насъ, наполняютъ своею тѣнью весь дворъ, весьма чистый и красивый. Другое окно выходитъ въ нашъ студенческій садъ. Изъ моей гостиной дверь прямо въ комнату моего чилаго и добраго камрада...

Мы недавно изрядно попиrowали. Съ послѣднею почтою прислали намъ изъ Кяхты лучшаго *портвейна*, какого тамъ отыскалось 20 бутылокъ и одну шарманку, да у насъ казенныхъ было три: все заплѣло, заиграло и заскакало! Цѣлыхъ три дня пиrowали! И теперь еще есть, чѣмъ помянуть матушку Русь. И еще пишутъ намъ, что изъ Департамента идетъ къ намъ новая посылка съ книгами; а Кяхтинскіе купцы, по своей памяти къ намъ, обѣщались дополнить то, о чемъ не догадался Департаментъ, 20-ю бутылками *шампанскаго*. Видите ли, какъ мы славно поживаемъ въ Пекинѣ, который, къ чести, или безчестью его, никакихъ не умѣетъ готовить виноградныхъ вишь и пьеть только *шао-цзю*, — водку, добываемую изъ Сорчинскаго пшена, и *шад-синъ*, который, право не знаю, изъ чего дѣлается, только вкусомъ походить на прокислое бѣлое вино. Нынѣшній годъ мы сами дѣлали церковное красное вино; не знаемъ, что будетъ толку. 4-го Октября мы праздновали годъ Пекинсой жизни, а кажется давно ли приѣхали въ Серединное Государство.

Написалъ бы вамъ слова два о сынѣ неба, *великомъномѣ Хуандиѣ*, по *десять тысячъ лѣтъ* не изволятъ теперь жить въ столицѣ, а въ загородномъ дворцѣ, и вовгорыхъ я еще самъ не имѣлъ счастья видѣть Императора. Въ другое время надосугѣ напишу вамъ что-нибудь о Пекинѣ съ его знаменитостями, а теперь извините. — Лѣто и осень провелъ и проводу въ городѣ, а на будущій годъ, если позволятъ обстоятельства, думаю съѣздить въ горы.

P.S. Письмо мое къ вамъ было приготовлено еще въ первыхъ числахъ Октября: но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ почта была отложена до конца Ноября: вотъ причина, почему отвѣтъ на ваши письма нѣсколько позамедлилъ. Впрочемъ, въ эти два мѣсяца не случилось ничего особеннаго и отъ продолжительности времени письмо мое не выросло.... Отъ всей души желаю, чтобъ мое письмо застало еще у васъ Пекинца NN: тогда-бы онъ могъ дать вамъ толкованіе на мое письмо къ нему, которое безъ того будетъ нѣсколько темно для васъ. Впрочемъ, по настоящимъ обстоятельствамъ я долженъ сказать вамъ слова два, въ предостереженіе отъ тѣхъ грустныхъ думъ и безпокойствъ, которыя можетъ породить неизвѣстность. Я воображаю,

что вы не безъ страха за насъ читаете послѣднія извѣстія о дѣлахъ Китая съ Англіею. Это опасеніе должно еще болѣе увеличиться потому, что съ каждымъ днемъ возрастаютъ и вѣрно будутъ возрастать тревожныя для васъ вѣсти. Можетъ быть, будущимъ лѣтомъ вы прочитаете, что Англійскій флагъ развѣвается въ 400 (200 нашихъ верстахъ) ли отъ Пекина. Но во всѣхъ такихъ вѣстяхъ нѣтъ ничего грустнаго для насъ. *Мы, по своему положенію, выше всѣхъ этихъ тревогъ и наша личная безопасность ограждена неразрушимымъ оглономъ...* Я нарочно предупреждаю васъ объ этомъ, чтобы вы были совершенно спокойны на нашъ счетъ и были совершенно удалены отъ ложнаго опасенія. Надобно сказать правду, что положеніе миссіонеровъ *никогда еще не было такъ интересно, какъ теперь, и никогда больше не желалъ бы жить въ Китаѣ, какъ при настоящихъ обстоятельствахъ.* Если бы мнѣ предоставлено было выбирать жить теперь въ Китаѣ, или выѣхать въ Россію, то я не прежде расстался бы съ поднебесною Имперіею, какъ по окончаніи этихъ дѣлъ. Мы живемъ во времена, которыя должны родить великое въ будущемъ. Западъ и востокъ приступаютъ теперь къ постепенному рѣшенію одного всемірнаго вопроса, долженъ ли весь міръ принять Европейскую жизнь и образованіе. Если бы можно было Китаю обновиться безъ разрушительнаго потрясенія своихъ коренныхъ элементовъ то онъ сталъ бы единственнымъ судьбою цѣлаго міра, то все слилось бы въ немъ, какъ въ неизмѣрномъ океанѣ. Даже и въ противномъ случаѣ, самое разрушеніе его должно... но довольно объ этомъ!

22 Ноября 1841 года.
